

Научная статья
УДК 94(520).033.55
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.19>

Эволюция института семьи в послевоенной Японии: проблемы и перспективы

Белла Анатольевна Ночвина¹, Екатерина Андреевна Силуянова²

^{1,2}Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

¹bella.nochtvina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0772-9817>

²aakiyaamaa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2975-9435>

Аннотация. В статье анализируется влияние национально-культурных традиций и особенностей цивилизационного развития Японии на условия и тенденцию трансформации института семьи в послевоенный период. Как и большинство государств Восточной Азии, Страна восходящего солнца подвержена усилению процесса вестернизации, что приводит к качественным изменениям традиционной модели института семьи. В статье представлен сравнительный анализ изменений гендерных ролей в японском обществе на разных этапах его становления. Исследуются причины трансформации уклада семьи «иэ», в которой мужчина был главой и доминировал над женщиной. Отмечается, что процесс нуклеаризации японской семьи, начавшийся в послевоенное время, продолжает и сегодня характеризоваться гендерно-асимметричным разделением домашнего труда, что свидетельствует о значительном влиянии традиционных культурных ценностей на структуру брака и сохраняет проблему гендерного неравенства в современной Японии.

Ключевые слова: система «иэ», нуклеарная модель семьи, вестернизация, традиционализм, гендерное неравенство

Для цитирования: Ночвина Б.А., Силуянова Е.А. Эволюция института семьи в послевоенной Японии: проблемы и перспективы // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 121–127. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.19>.

Original article

The evolution of the family institution in post-war Japan: problems and prospects

Bella A. Nochvina¹, Ekaterina A. Siluyanovna²

^{1,2}Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia

¹bella.nochtvina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0772-9817>

²aakiyaamaa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2975-9435>

Abstract. The article analyses the influence of national and cultural traditions and features of civilisational development on the conditions and tendency of transformation of the family institution in Japan in the post-war period. Japan, as most of the countries of East Asia, is subject to an intensification of the process of Westernisation, which leads to qualitative changes in the traditional model of the institution of the family. The article presents a comparative analysis of changes in gender roles in modern Japanese society at different stages of its formation. The reasons for the transformation of the “ie” family structure, where a man was at the head and dominated over a woman, have been investigated. As a result, it has been noted that the process of nuclearisation of the Japanese family, which began in the post-war period, continues to be characterised by a gender-asymmetric division of labour, which indicates the significant influence of traditional cultural values and preserves the problem of gender inequality in modern Japan.

Keywords: “the ie” system, nuclear family model, Westernisation, traditionalism, gender inequality

For citation: Nochvina, B.A., Siluyanovna, E.A. (2021) The evolution of the family institution in post-war Japan: problems and prospects. *Society: Philosophy, History, Culture.* (12), 121–127. Available from: [doi:10.24158/fik.2021.12.19](https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.19) (In Russian).

Семья – основополагающая часть японского общества и государства в целом. Личность японца, его идентичность, репутация, обязательства и ответственность глубоко связаны с его семьей. Японская нация характеризуется ориентацией на группу (в отличие от западного индивидуализма), индивид подчиняется семейной воле и подавляет личные желания ради родных.

В эпоху Токугава система семьи «иэ» была признана ячейкой общества, основой крепкого государства. Свое начало она берет из китайского конфуцианства: «Одним из основных предположений китайской политической теории было то, что хорошее государство автоматически возникнет, если каждый человек будет аккуратно возделывать сад своих семейных обязанностей» (Dore, 1977: 93). До конца Второй мировой войны конфуцианские идеи определяли устройство японской семьи и регулировали иерархические социальные отношения в ней.

Традиционная структура «иэ» представляла собой многопоколенное домохозяйство во главе с патриархальным лидером. Власть его над другими членами семьи была чрезвычайно велика; решения, принятые им, являлись окончательными для всех и касались совершенно разных вопросов, включая брак, выбор профессии и т. д.

Важной чертой системы «иэ» была преемственность, непрерывность, что ставило задачу сохранения семьи с целью обеспечения продолжения рода. Как правило, такая структура включала в себя представителей нескольких поколений (Dore, 1977: 99). Почитание предков наполнялось сакральным смыслом, поскольку они служили укреплению преемственности семейной линии и подчеркивали превосходство группы над индивидом: «Ни род занятий, ни собственность, ни дом, ни традиции, ни предки не принадлежат отдельному человеку, а только семье в целом» (Dore, 1977: 99–100).

Однако в условиях реализации концепции послевоенного устройства Японии система «иэ» была отвергнута в качестве образца семьи, а новая Конституция страны, принятая в 1947 г., установила принципиально иные основы семейного права: впервые закреплялось гендерное равноправие, что позволило в будущем реализовать качественные изменения института семьи в целом.

Статья 24 Конституции 1947 г. провозглашала, что «брак заключается только при взаимном согласии обеих сторон и существует при условии взаимного сотрудничества, в основу которого положено равенство прав мужа и жены»¹. Это правовое новшество способствовало нуклеаризации патриархальной семейной системы «иэ». Устанавливалось также, что «законы в отношении выбора супруга, имущественных прав супругов, наследства, выбора местожительства, развода и других вопросов, связанных с браком и семьей, должны составляться из принципа личного достоинства и равенства полов»². Это делало невозможным легитимное существование системы «иэ». Так, если в прошлом женщина была последовательно зависима сначала от отца, затем от мужа и в конце концов – от старшего сына, то теперь, с исчезновением правовых ограничений, она получила право возглавлять домохозяйство наравне с мужчинами.

Концепция «японской послевоенной семейной системы» была предложена для описания процесса стандартизации, через который прошла японская семья на фоне быстрого экономического роста. Этот процесс совпал с появлением «нового среднего класса» в 1960-х гг., что привело к появлению привычного европейского типа семьи в Японии: муж-кормилец, работающий по найму, жена-домохозяйка и дети (преимущественно двое) (Goldstein-Gidoni, 2017: 281). Совпадающим процессом стала разработка японских «шаблонов жизненного пути» как для женщин, так и для мужчин. Как отметила профессор социологии Института Райшауэра и директор Института японских исследований Райшауэра при Гарвардском университете Мэри Бринтон, установленный жизненный путь японца от школы до работы и от работы до брака символизировал «культуру безопасности», которая характеризовала период высокого экономического роста (Brinton, 2010: 200).

Как отмечает исследователь М.Н. Корнилов, анализируя концепцию японского ученого Отиаи Эмико, в эволюции японской семьи в послевоенный период можно выделить 3 стадии. Первая из них является «подготовительной» и приходится на 1945–1955 гг.: эти годы, особенно 1947–1949 гг., были отмечены высокой рождаемостью и оформлением новой, «современной» структуры семьи. Вторая стадия пришлась на 1955–1957 гг. и совпала с высокими темпами экономического роста в стране: «это время стабильности семейной системы, когда семья была относительно устойчивой и крепкой, жены занимались преимущественно домашним хозяйством, супружеская пара имела 2–3 детей» (Корнилов, 2000: 132). В период «экономического чуда», который начался с середины 1950-х гг. и продолжался до 1973 г., доминирующим стал вторичный сектор экономики, что привело к значительному увеличению занятых в данной сфере работников, получивших название «сарариман» от английского «salary man», что буквально означает «человека на зарплате». Система пожизненного найма, увеличение дохода за выслугу лет обеспечивали основу для создания крепкой, финансово благополучной семьи. Это было время, когда компании обеспечивали поддержку работающего отца и вместе с тем его семьи. Более того, в

¹ Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов. М., 2010. С. 407.

² Там же.

обществе был распространен идеал «рё:сай кэнбо» (от яп. «良妻賢母») – «хорошей жены и мудрой матери». Считалось, что цель жизни женщины и ее счастье заключено в браке. Тот факт, что во вторичном секторе основная рабочая сила была представлена мужчинами, делал невозможным для женщин выход на работу, способную обеспечить их существование вне семьи. Несмотря на то, что в 1947 г. был принят Трудовой закон Японии, призванный обеспечить равные условия труда для всех, работающих женщин по-прежнему не воспринимали всерьез, и до 1970-х годов они получали вознаграждение за свой труд почти вдвое меньше, чем мужчины (Trager, 1982: 138). В связи со сказанным брак в то время был наилучшим способом для женщины обеспечить себе достойное существование.

Что касается мужской роли в семье, то в японском обществе была распространена идея «дайкокубасира» (от яп. «大黒柱»), что буквально переводится как «центральная, основная, несущая колонна в традиционном японском доме». Так, мужчина, являясь кормильцем, был той самой главной опорой для всей семьи, без которой «дом» мог разрушиться.

Под влиянием всех указанных факторов в Японии получает распространение новая модель семьи: «кормилец-муж и домохозяйка-жена». Такой уклад напоминал устройство семьи «иэ», где мужчина доминировал над женщиной, однако теперь ее положение было намного защищеннее.

Именно для рассматриваемого периода был характерен самый большой процент «профессиональных» домохозяек в стране за всю историю Японии. Согласно статистике 1975 год стал пиковым в этом отношении, когда уход за детьми и их образование были возложены только на плечи неработающей матери¹.

Жена «сараримана» была важной частью корпоративной Японии (Vogel, 1978: 25). Она должна была вести хозяйство, планировать семейный бюджет, чтобы муж мог прийти домой и отдохнуть, зарядиться энергией для работы на следующий день. Долг женщины в роли матери все больше был сосредоточен на том, чтобы наиболее успешно провести своих детей через всю систему образования, что впоследствии породило феномен «кё:ику мама» (от яп. «教育ママ»), что буквально означает «мать, озабоченная образованием своих детей» (Imamura, 2003: 79).

Более того, в эпоху быстрого экономического роста японское государство способствовало четкому гендерному разделению труда. Семейная политика в тот период характеризовалась укреплением традиционных социальных ролей, в обществе доминировал взгляд на женщину как на домохозяйку, обеспечивающую уход за членами семьи (Lambert, 2007: 15). Так, для Японии с ее жесткой корпоративной культурой, идеологией «дайкокубасира» женский идеал «рё:сай кэнбо», принципы гендерного разделения труда создавали благоприятные условия для мотивирования мужчин (мужей, отцов) проводить долгие часы на работе.

Традиционно в японском обществе основная цель брака состояла в продолжении рода и укреплении семьи, поэтому он рассматривался как сделка между двумя семьями, а не союз между двумя отдельными людьми. Любовь не была в приоритете, а открытое проявление привязанности друг к другу не поощрялось. Большое распространение получила практика заключения брака по договоренности – «омиай-кеккон» (от яп. «お見合い結婚»). Главными акторами в подготовке таких браков выступали родители и свахи «накодо» (от яп. «仲人»), которые занимались поиском подходящих вариантов для создания будущей семьи. Организовывались специальные смотрины – «омиай» (от яп. «お見合い»), после чего принималось решение со стороны родителей невесты и жениха о возможности брака. Однако с прекращением существования системы «киэ» (с 1960-х гг.) постепенно намечается отказ от данной практики, распространение получает брак по любви – «рэнай-кеккон» (от яп. «恋愛結婚»). В 1955 г. более 80 % свадеб совершались по сговору, а к концу 1990-х – всего 9,9 %. Данная тенденция получила развитие. Так, если в 1930–1940-х годах «омиай-кеккон» составлял 69 % от всех браков в Японии, то к 2010 году этот показатель снизился до 5,2 %².

Таким образом, в период с 1955 по 1975 гг. в Стране восходящего солнца отмечалось существенное увеличение числа нуклеарных семей с гендерно-асимметричными ролями, то есть муж в них выступал в качестве кормильца и трудился «наемным рабочим», а жена являлась «домохозяйкой полный рабочий день». В 1974 г., сразу после окончания периода высокого экономического роста в Японии, семьи, состоящие из одного кормильца и домохозяйки, были наиболее

¹ Women at Work. 2011 [Электронный ресурс] // Bureau of Labour Statistics. URL: <https://www.bls.gov/spotlight/2011/women> (дата обращения: 10.11.2021).

² Omiiai [Электронный ресурс] // Marriage Matching Agency. URL: <https://marriagematching.love/omiiai/> (дата обращения: 10.08.2021).

распространенным типом домашних хозяйств – они составляли 14,6 % от общего числа всех семей, по оценкам Исследовательского института Daiwa¹. Но уже в 1988 г., во время японского «экономического пузыря», такой тип домашнего хозяйства утратил свои лидирующие позиции и был представлен в 9,7 % семей, а в 2017 г. – уже лишь в 4,6 %.

С середины 1970-х гг. начинается новый этап развития японской семьи. Отличительной чертой его было сокращение количества браков, снижение рождаемости и утверждение новой парадигмы семейной жизни². Со второй половины 1970-х гг. японская экономика, которая длительный период времени демонстрировала рост, вступила в эпоху долгосрочной рецессии. Из-за нефтяного кризиса 1973 г. правительству пришлось отменить систему «пожизненного» найма, а также практику выплат за выслугу лет, произошло сокращение зарплат. Фактически многие мужчины не могли уже исполнять роль полноценного кормильца для своей семьи. Все больше японцев начали откладывать заключение брака до момента увеличения дохода. В этот период и зарождается такое общественное явление, как поздний брак.

Экономический рост и индустриализация Японии повлияли на гендерные роли в семье и обществе. Образование постепенно выводило женщин за пределы дома, создавались отдельные сообщества для жен работников, со временем это обеспечило возможность для женщин занять более активную общественную позицию.

С начала 1970-х гг. в Японии набирает силу пришедшее с Запада движение «уманрибу» (от англ. womanlib – «освобождение женщины»). Его активистки ставили своей целью освобождение женщин из-под гнета патриархальной семьи, которая, несмотря на то, что претерпела изменения, требовала от женщин полного подчинения, как и прежде. Под сомнение была «поставлена дихотомия общественной и частной сфер жизни. В этом движении столкнулись два потока «ожиданий» в японском обществе: 1) освобождение от наследия традиционной семьи «из» и 2) освобождение от уз «современной семьи», предписывающей женщине роль домохозяйки» (Корнилов, 2000: 135).

Под влиянием указанного общественного движения появляется новый тип семьи – «ню фэмири» (от англ. new family – «новая семья»). Он был основан на идее, что муж и жена должны быть равными в браке, являться партнерами и иметь общие интересы. В таких семьях жены могли освободиться от обременительной и ограничивающей их личностное развитие роли «профессиональной домохозяйки» «современной семьи», к которой так стремились их матери в послевоенные годы. Предпринимались попытки преодолеть гендерно-асимметричное разделение ролей в семье посредством отказа супругов от разделения семейных обязанностей на «мужскую» и «женскую» работу.

По мере того как Япония вступала в 1980-е годы, уровень образованности и самостоятельности женщин продолжал расти. В 1985 г. в стране была ратифицирована Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а в 1986 году принят закон о равных возможностях в области занятости³, который открыл множество путей для трудоустройства бывших «домохозяек».

С 1980-х гг. начинается активное вовлечение женщин в работу по найму, они пытаются реализовать себя в карьере. С 1975 по 1990 годы численность трудоустроенных женщин составила примерно 50,1 %. «Начавшийся постепенный рост экономики привел к тому, что уже с 1997 г. количество семей, где работают оба супруга, превысило число семей с «профессиональными домохозяйками» на 5,4 млн»⁴.

В 1980-е гг. широкое распространение получает явление DINKs («Double Income, No Kids» – «двойной доход и нет детей»), когда в семье и муж, и жена работают, имеют собственный доход, но при этом отказываются заводить детей.

С 1993 г. намечается экономический спад, происходит крах «экономического пузыря», и наступает время стагнации. К 1997 г. количество семей с двумя работающими супругами превысило количество семей с «профессиональными домохозяйками». Это связано с тем, что в условиях постепенного снижения уровня заработной платы у молодых мужчин-работников третичный

¹ Eiraku Maiko. The Changing Japanese Household [Электронный ресурс] // NHK World. Japan. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/218/> (дата обращения: 10.08.2021).

² Будущее японской семьи: преодоление гендерных ролей [Электронный ресурс] // Nippon Communications Foundation. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c05604/> (дата обращения: 12.11.21).

³ 雇用の分野における男女の均等な機会及び待遇の確保等に関する法律 (昭和四十七年七月一日法律第百十三号) // (厚生労働省. = Закон об обеспечении равных возможностей и равного обращения для мужчин и женщин в сфере занятости [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения. URL: <https://www.mhlw.go.jp/file/06-Seisakujouhou-11900000-Koyoukintoujidoukateikyoku/0000141983.pdf> (дата обращения: 10.06.2021). На япон. яз.

⁴ Будущее японской семьи: преодоление гендерных ролей ...

сектор в экономике стал играть большую роль, чем вторичный. Следовательно, женщины, составляющие его ядро, были вынуждены поддерживать семейный бюджет, что приводило к быстрым темпам вовлечения их в общественную и трудовую жизнь.

Одно из самых больших поражающих изменений в паттерне формирования семьи для японского общества – факт, что брак становился все менее и менее привлекательным для девушек, что вело к распространению поздних браков или отказу от брака в принципе. Одной из основных причин такого положения дел в Японии рассматриваемого периода является отсутствие изменений в природе и значении брака (в обществе сохранялась идея об идеальном браке с «мужем-кормильцем и профессиональной домохозяйкой»), что делало его все менее привлекательным для женщин по мере повышения уровня их образованности и расширения экономических возможностей (Tsuya, Mason, 1995: 156). Браки по-прежнему характеризовались ориентацией на продолжение рода и крайне асимметричным разделением домашнего труда (Tsuya, 2006: 19), а также требованиями ведения женщиной интенсивного материнства, в том числе и в плане содействия успеху детей в школе (Anderson, Kohler, 2013: 197). Все это привело к тому, что девушки желали отложить момент приобретения «обременительного статуса японской жены и матери».

К концу 1980-х – началу 1990-х гг. японское правительство все больше осознавало, что общество стремительно стареет. Это привело к тому, что женщин стали призывать выполнять три ключевые задачи в обществе: рожать детей, заботиться о престарелых родителях и удовлетворять потребности сокращающейся рабочей силы. Однако семейные обязательства и общественные ожидания, составляющие «брачный пакет», планомерно теряли привлекательность для женщин по мере расширения диапазона доступных им вариантов жизни (Vimpass et al, 2009: 230). До сих пор женская роль в обществе предполагала заботу о детях, ведение домашнего хозяйства, уход за престарелыми родителями, в том числе и со стороны мужа. Существует популярный дискурс, в котором говорится, что нежелание жен иметь больше детей связано с неспособностью мужей помочь им и взять на себя бремя по их воспитанию, в то время как женщины обычно выполняют около 90 % домашней работы¹. Его содержание вполне точно иллюстрирует ситуацию в японском обществе конца XX века.

В этом контексте мы можем видеть, что для хорошо образованных женщин брак нес с собой большое количество различных издержек. Почти две трети (64 %) японских женщин в возрасте 25–34 лет имели высшее образование, среди мужчин таких было 59 %². Экономическая независимость женщины и более высокий уровень ее образованности вели к увеличению числа поздних браков либо к отказу от создания семьи в принципе. И то, и другое выступило причиной снижения показателей рождаемости детей. Сказанное подтверждает и ряд эмпирических исследований, проведенных в японском обществе, результаты которых показывают, что образование и экономическая независимость женщин прямо связаны с возрастом вступления в брак и вероятностью отказа от создания семьи (Оно, 2003: 279).

Общая рождаемость в стране упала ниже уровня воспроизводства (2,08) в середине 1970-х годов, а в 2006 году она достигла значения 1,25. Премьер-министр Коидзуми назвал демографический спад «самой насущной проблемой правительства»³.

В 2018 году количество «домохозяйств с двойным доходом» составляло 12,19 млн, а количество семей, в которых работал только мужчина, а женщина следила за домом, сократилось до 6,06 млн, что означает, что произошла смена преобладающего типа семьи.

По мере распространения идеи отказа от брака в целом беременность стала одним из главных катализаторов создания семьи. Даже возник термин «дэкияттакон» (от яп. *できちゃった婚* – «брак после зачатия ребенка»). Из 522 000 первенцев, родившихся в 2004 г., примерно 140 000 (26,7 %) появились на свет менее чем через 10 месяцев после свадьбы. И это значительное увеличение по сравнению с 1990 г., когда число таких детей составило 103 000 человек (17,3 %)⁴. В таком «вынужденном» браке возраст матери ребенка в 82,9 % случаев составлял

¹ International Comparison of Social Environments Concerning Gender Equality and Low Birthrates [Электронный ресурс] // Gender Equality Bureau of the Cabinet Office. URL: https://www.gender.go.jp/english_contents/basic_data/resarches/pdf/english_2.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

² Education at a Glance 2021. OECD Indicators [Электронный ресурс] // OECD. URL: <https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/> (дата обращения: 12.11.2021).

³ 令和元年 (2019) 人口動態統計 (確定数) の概況 // 厚生労働省 = Обзор статистики динамики численности населения за первый год Reiwa (2019) [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения, социального обеспечения, труда и социального обеспечения. URL: <https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/jinkou/kakutei19/index.html> (дата обращения 06.07.21). На япон. яз.

⁴ 『少子社会日本—もうひとつの格差のゆくえ』 山田 昌弘, 岩波新書 = Масахиро Ямада. Япония со снижающимся уровнем рождаемости: Будущее другого неравенства [Электронный ресурс] // Arsvi.com. URL: <http://www.arsvi.com/b2000/0704ym.htm> (дата обращения: 10.11.21). На япон. яз.

меньше 20 лет, а в 63,3% случаев – от 20 до 24 лет. Причина таких союзов заключалась в отсутствии порицания за добрачный секс. Кроме того, неочевидным поводом для создания семьи все еще выступала дискриминация не состоящих в браке людей.

В 1946 г. Закон о разводе в Японии отменил систему «3,5 строки» (三下り半 – микударихан), согласно которой брак можно было расторгнуть по упрощенной процедуре. До Второй мировой войны высокий уровень разводов в Японии (до 40 %) был обусловлен традицией патронимии.

Сегодня в Японии инициаторами развода чаще выступают представительницы слабого пола. Стоит отметить, что данный факт во многом обусловлен ростом экономической независимости женщин.

Как отмечает В.В. Назарова, «трансформация системы гендерного-асимметричного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных функций, ролей и сфер деятельности стали толчком к увеличению разводов в Японии» (Назарова, 2016).

С 1969 года мы можем наблюдать устойчивую тенденцию к увеличению числа разводов в зрелом возрасте (от яп. 熟年離婚 – «дзюкунэнрикон»), что подразумевает расставание супругов в возрасте 50–60 лет, состоявших в браке более 25 лет. И зачастую инициатором такого развода тоже является женщина. По данным Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения, число таких расторжений брака увеличилось за последние 40 лет с 5 до 17 %. Это значит, что одна пара из 6 разводится (Изотова, 2015: 87). Определенную роль в значительном увеличении количества разводов в возрасте супругов старше 50 лет сыграла пенсионная реформа 2007 г. Кроме того, с проникновением западных идей в общество и ростом уровня образования женщин возросли требования к партнерам и отношениям в целом. Основной причиной возрастающего числа разводов становится неудовлетворенность традиционным гендерным разделением ролей. Женщины, которые более двух десятилетий находились в подчиненном положении в браке, приходят к осознанию отсутствия собственной автономии и появлению желания все изменить.

Более того, до сих пор огромной проблемой для японской семьи является домашнее насилие, которое может быть физическим, психологическим и сексуальным. Сведения Бюро по вопросам гендерного равенства позволяют говорить о том, что в 2018 г. 31,3 % женщин подвергались насилию со стороны супруга¹. Также стоит принять во внимание, что из-за чувства стыда, испытываемого женщиной и предписанного ей японской культурой, о многих случаях насилия со стороны мужа или партнера она никому не сообщает. Следовательно, фактов значительно больше. Данное обстоятельство вряд ли можно считать скрепляющим брак, скорее – наоборот.

Обобщим сказанное. В послевоенный период японская семья прошла процесс нуклеаризации, то есть превратилась из патриархальной многопоколенной системы «иэ» в современный нуклеарный союз. После краха «экономического пузыря» ячейка японского общества характеризуется неустойчивостью, продолжает характеризоваться гендерно-асимметричным разделением труда, что делает брак все менее привлекательным для женщин. Сохранение в обществе стереотипа «профессиональной домохозяйки» приводит к сведению социальной роли женщины к выполнению рутинных семейных обязанностей. На фоне низкого участия мужчин в решении бытовых вопросов, распространенного насилия в семье это обстоятельство ведет к отказу женщин от брака и деторождения в пользу карьеры и личностного развития. Все это прямым образом сказывается на институте семьи, выступающем индикатором гендерного благополучия в обществе.

Список источников:

Изотова Н.Н. Трансформация гендерных стереотипов в японском обществе // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 83–96.

Корнилов М.Н. Отиаи Эмико. Японская семейная система в процессе трансформации: социологический анализ послевоенных изменений в японской семье // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2000. № 3. С. 132–137.

Назарова В.В. Гендерные отношения в современной Японии на примере трудовой сферы // История и обществознание. 2016. № 13. С. 143–147.

Anderson T., Kohler H.-P. Education Fever and the East Asian Fertility Puzzle // Asian Population Studies. 2013. Vol. 9, iss. 2. P. 196–215. <https://doi.org/10.1080/17441730.2013.797293>

Brinton M.C. Lost in Transition: Youth, Work and Instability in Postindustrial Japan. Cambridge, 2010. 228 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511762741>

Brinton M.C. Women's Working Lives in East Asia. Stanford, 2001. 378 p.

Bumpass L.L., Rindfuss R.R., Choe M.K., Tsuya N.O. The Institutional Context of Low Fertility: the Case of Japan // Asian Population Studies. 2009. № 5. P. 215–235.

Dore R.P. City Life in Japan. Berkeley, 1977. 490 p.

¹ Survey on Gender Violence [Электронный ресурс] // Gender Equality Bureau of the Cabinet Office. URL: https://www.gender.go.jp/policy/no_violence/evaw/chousa/pdf/h29danjokan4.pdf (дата обращения: 11.08.2021).

- Goldstein-Gidoni O. The Joy of Normal Living as the Promise of Happiness for Japanese Women and Their Families // *Asian Studies Review*. 2017. Vol. 41, iss. 2. P. 281–298. <https://doi.org/10.1080/10357823.2017.1295021>
- Imamura A.E. The Japanese Family Faces 21st-Century Challenges // *Education about Asia*. 2003. № 8. P. 76–95.
- Lambert P.A. The Political Economy of Postwar Family Policy in Japan: Economic Imperatives and Electoral Incentives // *Journal of Japanese Studies*. 2007. Vol. 33, iss. 1. P. 1–28. <https://doi.org/10.1353/jjs.2007.0023>
- Ono H. Women's Economic Standing, Marriage Timing and Cross-National Contexts of Gender // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65, iss. 2. P. 275–286. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00275.x>
- Trager J. Letters from Sachiko: A Japanese Women's View of Life in the Land of the Economic Miracle. N. Y., 1982. 218 p.
- Tsuya N.O. Patterns and Correlates of Partnership Formation in Japan // *Journal of Population Problems*. 2006. № 62. P. 1–19.
- Tsuya N.O., Mason K.O. Changing Gender Roles and Below Replacement Fertility in Japan // *Gender and Family Change in Industrialized Countries*. Oxford, 1995. P. 139–167.
- Vogel S.H. Professional Housewife: The Career of Urban Middle Class Japanese Women // *Japan Interpreter*. 1978. № 12. C. 16–43.

References:

- Anderson, T. & Kohler, H.-P. (2013) Education Fever and the East Asian Fertility Puzzle. *Asian Population Studies*. 9 (2), 196–215. Available from: <https://doi.org/10.1080/17441730.2013.797293>
- Brinton, M. C. (2001) *Women's Working Lives in East Asia*. Stanford. 378 p.
- Brinton, M. C. (2010) *Lost in Transition: Youth, Work and Instability in Postindustrial Japan*. Cambridge. 228 p. Available from: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511762741>
- Bumpass, L. L., Rindfuss, R. R., Choe, M. K. & Tsuya, N. O. (2009) The Institutional Context of Low Fertility: the Case of Japan. *Asian Population Studies*. (5), 215–235.
- Dore, R. P. (1977) *City Life in Japan*. Berkeley. 490 p.
- Goldstein-Gidoni, O. (2017) The Joy of Normal Living as the Promise of Happiness for Japanese Women and Their Families. *Asian Studies Review*. 41 (2), 281–298. Available from: <https://doi.org/10.1080/10357823.2017.1295021>
- Imamura, A. E. (2003) The Japanese Family Faces 21st-Century Challenges. *Education about Asia*. (8), 76–95.
- Izotova, N. N. (2015) Transformation of Gender Stereotypes in Japanese Society. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. (6), 83–96 (in Russian).
- Kornilov, M. N. (2000) Otiai Emiko. Yaponskaya semeinaya sistema v protsesse transformatsii: sotsiologicheskii analiz poslevoennykh izmenenii v yaponskoi sem'e [Ochiai Emiko. The Japanese Family System in Transition: a Sociological Analysis of Family Changes in Postwar Japan]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika*. (3), 132–137 (in Russian).
- Lambert, P. A. The Political Economy of Postwar Family Policy in Japan: Economic Imperatives and Electoral Incentives. *Journal of Japanese Studies*. 33 (1), 1–28. Available from: <https://doi.org/10.1353/jjs.2007.0023>
- Nazarova, V. V. (2016) Gendernye otnosheniya v sovremennoi Yaponii na primere trudovoi sfery [Gender Relations in Modern Japan on the Example of the Labor Sphere]. *Istoriya i obshchestvoznaniye*. (13), 143–147 (in Russian).
- Ono, H. (2003) Women's Economic Standing, Marriage Timing and Cross-National Contexts of Gender. *Journal of Marriage and Family*. 65 (2), 275–286. Available from: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00275.x>
- Trager, J. (1982) Letters from Sachiko: A Japanese Women's View of Life in the Land of the Economic Miracle. New York. 218 pp.
- Tsuya, N. O. & Mason, K. O. (1995) Changing Gender Roles and Below Replacement Fertility in Japan. In: *Gender and Family Change in Industrialized Countries*. Oxford, pp. 139–167.
- Tsuya, N. O. (2006) Patterns and Correlates of Partnership Formation in Japan. *Journal of Population Problems*. (62), 1–19.
- Vogel, S. H. (1978) Professional Housewife: The Career of Urban Middle Class Japanese Women. *Japan Interpreter*. (12), 16–43.

Информация об авторах

Б.А. Ночвина – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=397921.

Е.А. Силуянова – магистрант Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

Information about the authors

B.A. Nochvina – PhD in History, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=397921.

E.A. Siluyanov – Master's Degree student, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.11.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.12.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 09.12.2021.